

К. Е. Ситниченко*

Россия и Китай: культурный диалог (на примере эмиграции «первой волны»)

Каждая культурно-историческая эпоха имеет своеобразную духовную константу. После падения самодержавия, когда разрушенными оказались традиционные формы российской государственности и культуры, а само русское общество находилось в состоянии глубокого социокультурного кризиса, обострилась конфронтация между различными классами, социальными группами, партиями и движениями, ввергнувшая страну в страшнейшую братоубийственную бойню гражданской войны. Данная ситуация крушения вертикальных и горизонтальных связей российского общества, обусловила масштабный вынужденный или добровольный исход части российского общества – эмиграцию, и воплощенный за рубежом её социокультурный феномен – диаспору.

Исход из России осуществлялся по трем основным направлениям: через Финляндию, Польшу, Латвию и Литву на Запад, черноморский маршрут вел выезжавших через Турцию, Грецию в балканские страны, через Сибирь и Дальний Восток эмигранты уходили в Китай. Различные пути формирования культурных центров Русского Зарубежья дают основание для понимания особенностей каждой диаспорной группы и произведенной ею культурной продукции.

Эмигранты, уходившие в Китай, первоначально оседали в районе отчуждения – Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Позднее осваиваются и другие районы Китая – Пекин, Шанхай, Циндао, Синьцзянь. Район КВЖД, расположенный в Манчжурии, был организованно освоен русскими еще в 1889–1903 годах, с основания Харбина, как административного и экономического центра КВЖД. Войска Белой Армии, разбитые большевиками, уходили в Манчжурию. Следом прибывали гражданские лица – дворяне, чиновники разных рангов, казаки, купцы, интеллигенция и даже крестьяне. Последняя волна беженцев отмечается в 1922 году после захвата Владивостока войсками Красной Армии. С этого времени и до 1931 года, когда образуется прояпонское государство

---

* Константин Евгеньевич Ситниченко – к. культ., факультет экономики, управления, права филиала ЮУрГУ (г. Миасс).

Манчжоу-Го, Харбин становится крупным культурным и научным центром северо-восточного Китая. Это не являлось случайностью: в данных районах и городах уже существовали русские диаспорные группы – строители железной дороги – КВЖД, а собственно Харбин изначально был так называемым «русским городом» [3].

Как уже отмечалось, среди отступавшего вместе с войсками гражданского населения были представители интеллигенции: ученые и инженеры, поэты и писатели, музыканты и художники, врачи и учителя. Их концентрация в Маньчжурии обусловила поразительный для того времени рост интеллектуальной активности в полосе отчуждения. Литературные организации и поэтические объединения, музыкальное творчество и театральные постановки, деятельность архитектурных и строительных артелей, научная деятельность и многообразие периодической печати – все эти компоненты характерны не только для эмиграции на Западе, но и для Русского Зарубежья Востока. Численный состав эмиграции и местного русского населения, прибывшего в районы Маньчжурии в период строительства КВЖД, позволял обеспечивать данное многообразие и удовлетворять различные потребности русских в Китае. Восточная ветвь Русского Зарубежья находилась в общем историко-культурном контексте российской эмиграции, однако она обладала рядом специфических черт, определяющих ее своеобразие и феноменальность.

В частности, восточный эмигрантский поток отличался от западного по социальному составу: среди беженцев на Восток не была столь многочисленна прослойка привилегированной части общества, основу составляли офицеры и солдаты белой армии, мещане, рабочие, крестьяне и казаки. В результате, основным становится не идеологический как на Западе, а материальный компонент.

Принципиальным являлось и то обстоятельство, что на Западе эмигранты, в полном смысле, оказывались на чужбине, а на Востоке они попадали на чужую, но ранее уже обустроенную их же соотечественниками территорию, что обуславливало иное их положение и мироощущение в сравнении с западной эмигрантской волной. А когда в 1924 году в результате установления дипломатических отношений между СССР и Китаем произошла передача КВЖД в совместное советско-китайское управление, в данный регион стали прибывать советские/русские специалисты, знакомившие апатридов с жизнью в метрополии, что в последующем, после японской оккупации, определило реэмиграцию на Родину.

Языковая проблема, особо остро ощутимая на Востоке по понятным причинам, способствовала формированию в русской диаспоре своеобразного языка, во всем многообразии его форм (русскую

колонию составляли представители различных социальных групп и сословий, речь которых обладала социально обусловленной спецификой). Сохранение языка явилось главным «охранительным» фактором для русской культуры в восточном зарубежье. Рассматривая аспекты взаимного влияния русского и китайского компонентов необходимо отметить, что, как и на западе, восточная часть Русского Зарубежья сутью своего пребывания на чужбине считала возможность сохранения национальной русской культуры и её ретрансляции в мировую культурную сокровищницу. Воплощение же задуманной идеи они видели через становление таких институтов, как образование, печатные органы, искусство, театр, русская церковь и др.

Особое место в жизни эмигранта занимала литература. Именно литература, в силу ряда причин, стала доминирующей формой отражения духовности русской культуры, её творческого потенциала. Русское слово, устное и печатное, связывало изгнанников между собой и знакомило окружающий инокультурный мир с пониманием «русскости». Недаром население районов, где ранее компактно проживала русская диаспора, до сих пор имеет специфический говор, отличающий их от остального китайского мира[4]. Очевидным является то, что вся культурная жизнь и творчество в эмигрантской среде развивались по преимуществу в словесной форме. Трепетное отношение к слову способствовало формированию многообразных литературных обществ, издательств, выпускавших произведения не только отечественной мысли, но и переводные исследования исторических, философских и литературных трудов древнего Китая.

Особое место отводилось преподавательской деятельности. В Харбине и Шанхае Политехнический, Педагогический, Коммерческий и другие вузы выпускали специалистов, знания которых были востребованы в развивающемся гоминдановском Китае. Также функционировала сеть различных учебных заведений: техникумы, строительные курсы, рукодельные и пошивочные школы. Особенностью образования являлось то, что практически во всех учебных заведениях преподавали китайский, японский и даже маньчжурский языки наравне с европейскими. Различные государственные и частные компании нуждались в выпускниках со знанием данных языков. Также и сами китайцы, например, работавшие на КВЖД, не могли не овладевать русским языком. А в вузах, где преподавание велось на русском языке, студенты-китайцы должны были изучать русский. Большую культурно-просветительную роль в жизни русской эмиграции сыграло «Русское студенческое христианское движение» (РСХД), основанное в 1922 г. на конференции Всемирной христианской студенческой федерации в Пекине.

Как следствие, русским научным сообществом активно велось исследование естественнонаучного, экономического, этнического, культурного и других сторон обживаемого ими региона. Имена юристов Г. К. Гинс, Н. В. Устрялова, экономистов М. Н. Ершова, Н. И. Морозова, синологов И. С. Баранова, Г. Г. Авенариуса, учёных и исследователей: Э. Э. Энерт, Т. В. Бутова, Б. М. Велимировича, М. К. Гордеева, В. Я. Толмачёва, А. П. Хионина, П. В. Шкуркина и многих других вошли в историю Манчжурии и Китая.

Рассматривая вклад искусства в формирование культурных связей между Россией и Китаем, можно отметить взаимовлияние музыкального и художественного творчества. В 1921 году в Харбине открывается первая музыкальная школа, позже высшее музыкальное училище имени Глазунова, где обучались русские и китайские студенты. А с 1920-х годов проходят художественные выставки, организованные эмигрантами-художниками в Шанхае. В 20-е годы там осело немало известных мастеров. Эмигрантская и китайская критика не раз отмечали творчество таких известных русских мастеров, как Е. А. Яковлев, Н. Шистер, А. Ульрих, М. Ф. Домрачев и других. Мастера искусств из числа российских эмигрантов активно участвовали в работах по декоративному оформлению и украшению многих крупных зданий Шанхая. Вот почему, в отличие от литературы, их деятельность носила более универсальный характер и их достижения легче ассимилировались в восточную и мировую культуру

Особый вклад в формирование образа России в сознание китайского и маньчжурского общества внесла Русская Православная церковь. Она стимулировала стремление изгнанников к духовной чистоте и совершенству, к той недостигаемой вершине, стремление к которой во все времена являлось двигателем общественного прогресса. Православная церковь поддерживала внутреннее душевное настроение человека на чужбине, рассматривая духовную составляющую, осознание Духа внутри себя как основу христианства. Веру в Бога эмигранты воспринимали не только разумом, но и чувством, инстинктом, внутренним своим состоянием. Данное душевное настроение характерно и для конфуцианства, обозначавшего своей главной целью построение совершенной жизни на Земле, в самодостаточности и необходимости опоры на «человечные», традиционные ценности Востока. Характерно восприятие «красоты» в Православии и Конфуцианстве как аргумент выбора – это указание на созвучие глубинных ментальных структур. Возможно данное понимание духовности у эмигрантов, близкое к восточному, способствовало принятию Крещения частью местного населения, его верности Православию и сегодня.

Таким образом, китайская Манчжурия, да и собственно Китай, через активную научную, преподавательскую и другие формы деятельности русских эмигрантов, стали ближе и понятнее миру. Посредством литературы, через живопись и архитектуру они передавали свое восприятие буддийско-даосского мира, свое восхищение и любовь к этой стране, знакомя с нею весь мир. Несмотря на то, что «Две цивилизации – славянская и китайская – не поддаются взаимной ассимиляции, не смешиваются» [1; 153], восточная ветвь Русского Зарубежья заложила основу для дальнейшего культурного обмена и взаимопонимания между Китаем и Россией.

Литература

1. Ларин В. Л. Китай и Дальний восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. – Владивосток : Дальнаука, 1998. – 284 с.
2. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. – М. : Наука, 1991. – 317 с.
3. Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. – Владивосток : ДВГУ, 1998. – 276 с.
4. Русский Харбин. – М. : МГУ : Наука, 2005. – 352 с.